

Никулин Виктор Васильевич

доктор исторических наук,
профессор кафедры конституционного
и административного права
Тамбовского государственного
технического университета
dom-hors@mail.ru

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА
И ИНСТИТУТ НАКАЗАНИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ
(1920-Е ГГ.)**

Аннотация:

В статье исследуется практика внедрения классовых принципов в советскую уголовную политику в 1920-е годы. В частности, анализируются теоретические и практические аспекты применения классовых принципов в судебной практике и системе наказаний. Делается вывод о том, что политизированное общество рождало и политизированное право, отличительным признаком которого являлся классовый подход к определению принципов системы наказаний. Это свидетельствовало о том, что идеология имела приоритет перед законом.

Ключевые слова:

классовая принадлежность, мера наказания, законность, революционный интерес, судебная практика, политика, право.

Nikulin Victor Vasilyevich

D.Phil. in History,
Professor of the Constitutional
and Administrative Law Department,
Tambov State Technical University
dom-hors@mail.ru

**CRIMINAL LAW POLICY
AND PENALTY INSTITUTION
IN THE CRIMINAL LAW OF
THE SOVIET RUSSIA
IN THE 1920-S**

The summary:

The article deals with adoption of the class principles by the Soviet criminal law in the 1920-s. In particular, the author analyzes the theoretic and practical aspects of the class principles application in the judicial practices and the penalty system. It is concluded that the politicized society gave rise to the politicized law, the distinctive feature of which was the class approach to determination of the penalty system's principles. It was the evidence of the fact that the ideology prevailed over the justice.

Keywords:

class position, measure of punishment, revolutionary interest, jurisprudence, politics, law.

После 1917 г. происходит абсолютизация и универсализация новых ценностей общества, создавалось новое, социалистическое право, а вместе с ним и новая уголовно-правовая политика, и новая система наказаний, выстроенная на совершенно новых, доселе неизвестных юридической науке принципах. Русская дореволюционная юридическая наука в лице Н.С. Таганцева, С.В. Познышева, Г.Ф. Шершеневича, А.Ф. Кони, Э.Ф. Розенберга, П.И. Люблинского, И.Я. Фойницкого и других российских правоведов выделила в начале XX века четыре основных принципа карательной деятельности:

1. Определяемые законодателем и судьей наказания должны быть в достаточной мере репрессивны, то есть причинять преступнику страдания, перспектива которых была бы способна оказать должное противодействие стремлению к данному преступлению, предупредить возникновение этого стремления или, раз последнее возникло, парализовать его.
2. Наказание по своему характеру и размерам, не должны причинять преступнику никаких ненужных для предупреждения повторного преступления страданий.
3. Поражая преступников, карательная деятельность по возможности не должна затрагивать лиц, так или иначе связанных с преступником. Карательные меры должны быть по возможности более индивидуальными.
4. Наказания должны быть исправительны, то есть исправлять преступников юридически или нравственно. И в тех случаях, когда наказание не ставит себе задачей по-

сильное нравственное исправление преступника, оно ни в коем случае, однако, не должно делать его худшим в нравственном отношении.

Особое внимание уделялось российскими правоведами индивидуализации наказания. Так, С.В. Познышев относил к существенным признакам уголовного наказания его личный характер [1, с. 393]. Существенным являлось и то, что карательная деятельность должна облекаться в формы, вполне отвечающие условиям нравственного прогресса общества, так, чтобы отдельные случаи применения наказания не препятствовали развитию в обществе уважения к человеческой личности, главное же условие для этого – справедливость наказания. А.Ф. Кони, например, писал, что главная задача суда – исследование преступного деяния и «справедливое приложение к человеку, признанному виновным, карательного закона» [2, с. 28–29]. Г.В. Шершеневич указывал на то, что только те наказания будут иметь действительное значение, которые совпадают с общественной оценкой действия, признанного преступным [3, с. 181]. В целом, в начале XX в. русская правовая мысль пришла к выводу, что наказание – это определенные правовые последствия, которые применяются в строго определенных случаях, при этом отсутствует элемент принуждения. Оно носит официальный и публичный характер, по своей направленности является мерой строго личного характера, может быть назначено исключительно судом. Ему также присущ элемент сдерживания и предупреждения преступлений, оно обеспечивает соответствие поведения граждан установленной государством модели правомерного поведения.

Достигнутые к началу XX в. достижения в области наказания не устраивали большевиков. В основу советской уголовно-правовой политики и института наказания большевики заложили марксистскую идею строгой организации общества по социальному признаку, когда «свои» социальные группы отделены от «чужих», враждебных. На ее основе был создан механизм социальной селекции при помощи определения классовой принадлежности с позиции «свой» – «чужой». Общеполитическим критерием, определявшим степень лояльности к режиму, выступало социальное положение индивида до 1917 г. В 1920-е гг. работа по социальной реконструкции общества получила логическое завершение. Была разработана детальная классификация, включавшая в себя многочисленные критерии, позволявшие точно, как казалось властям, определять социальный статус индивида и соответственно применять к нему определенные законом меры воздействия. Неизбежным результатом стало сужение до крайности социального пространства для индивида, особенно представителей «враждебных» классов, что вело в свою очередь к усилению классового аспекта во всех сферах деятельности государства, в том числе и в системе наказания. Самый существенный момент в этом то, что классовая принадлежность стала прямо влиять на правовое положение индивида и степень уголовного наказания обвиняемого.

Основы советской уголовно-правовой политики и института наказания были заложены в судебном разделе Программы РКП (б), принятой VIII съездом партии. В программе подчеркивалась воспитательная роль советского правосудия: «В области наказания организованные таким образом суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, вводя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов». Предполагалось шире применять средства убеждения, меры профилактики к тем советским гражданам, которые впервые совершили преступные действия, не формально «подбирать» статью кодекса обвиняемому, а глубоко, по-партийному исследовать мотивы и существо содеянного, конкретные усло-

вия совершения преступления, учитывать общественное мнение о человеке» [4, т. 2, с. 71–92]. Очевидно проявление «революционного эйфоризма», хотя сама по себе идея не лишена здравого смысла, хотя бы потому, что она, помимо классового принципа, несла в себе и значительный элемент гуманизма.

Выработанная система наказания получила название «социальная терапия», предусматривавшая индивидуализацию наказания, то есть назначение преступнику именно такой меры наказания, которая достаточна для того, чтобы обеспечить достижение целей наказания, в первую очередь исправление и перевоспитание. Необходимым условием индивидуализации наказания был отказ от групповой ответственности, столь часто применявшейся в годы Гражданской войны. С принятием в 1922 г. Уголовного и Исправительно-трудового кодексов эти идеи нашли юридическое выражение в виде достаточно ясной квалификации преступных деяний. Уголовный кодекс содержал твердый перечень мер наказания. Общий подход состоял в том, что прежние наказания (времен Гражданской войны) будут применяться только к врагам советской власти, а к остальным – штрафы, налоговые повинности и т. д. Все преступления разделялись на две основные группы.

В 1922–1923 гг. принимаются основные кодексы-законы: уголовный; гражданский; уголовно-процессуальный; гражданско-процессуальный. Была создана единая судебная система. В результате реформирования в основном завершилось конструирование и создание правовой системы советского государства, которая стала юридической основой правоприменительной практики. Но эта система, вызванная к жизни объективной необходимостью, потребностями мирного времени, вобрала в себя черты предшествующего периода. В годы Гражданской войны укрепился социологический подход к праву. Социологическое начало явственно присутствует и в кодексах-законах, а как следствие, и в правоприменительной практике.

Ярким проявлением этого являлся тезис о постоянной изменчивости пролетарского права, «вытекающего из взаимоотношений между классовыми группами», что отличало его от буржуазного права. «В противоположность понятию буржуазного права, которое считает право постоянной мерой справедливости, право с точки зрения марксизма не является таковым, а есть классовая норма, которая вводится в действие классом, находящимся у власти. Советское законодательство в отличие от буржуазного является «текущим», в зависимости от экономических функций страны. Мы будем в первую очередь защищать рабочих и крестьян. Закон является действительным только на тот период, на который он дан. Пришел срок, и мы строим новый закон, который расчищает путь к коммунизму» [5, д. 9, л. 76]. В данном тезисе со всей очевидностью проявляется понимание законности как правопорядка, который призван целесообразным только с точки зрения революционных интересов, а не с точки зрения законности.

Таким образом, понимание законности строилось исключительно на классовом принципе. Логика законодателя вела и к определению правонарушения. Преступными актами объявлялись те правонарушения, которые угрожали наиболее важным интересам одной социальной группы. Подобная широкая трактовка правонарушения позволяла власти объявлять преступными те акты, которые, по их убеждению, были враждебны ее политическим устремлениям.

Создание законов, имевших склонность к широкому толкованию, позволяло суду, как орудию охраны интересов господствующего класса, успешно решить задачу вынесения классово обоснованных приговоров. Неизбежным при таком жестком классовом подходе стал вывод о склонности к преступности одних социальных групп и несклонности к преступности других, что в практическом плане проявлялось в отсутствии равноценности наказания для различных социальных групп. Система наказаний строилась не столько на

основании меры поступка, сколько на основании социально-классовой принадлежности, то есть зачастую второй фактор был куда весомее при определении меры наказания осуждаемого. Таким образом, мерой наказания были не совокупность его проступка, преступления, а характер той группы, к которой он принадлежал, что можно определить как правовую дискриминацию на основе классовой дифференциации общества. Юридический «оценочный механизм» (определение меры наказания) состоял в определении «свой» – «чужой». Признаки «своего» – это единство социального происхождения.

Классовое начало уже видно из ст. 5 Уголовного кодекса: Задача УК – правовая защита государством трудящихся от преступлений и от социально опасных элементов [6]. Особенно рельефно классовый подход подчеркивают ст. 24 и 25, в которых перечисляется, что должен учесть суд, определяя наказание [7]. Главный критерий – классовая принадлежность и мотивы преступления. Прослеживается очевидное стремление снизить меру наказания «своим классам». Суды ориентировались на то, что прежние наказания будут применяться только к врагам советской власти, а к «своим» – штрафы, налоговые повинности и т. п.

На практике данные установки трудно было реализовать, поскольку основная масса преступлений совершалась как раз «своими» – рабочими и крестьянами, в том числе и тяжкие. Суды определяли наказание по максимуму, тюрьмы были переполнены, основной контингент заключенных составляли рабочие и крестьяне. Это обстоятельство партийным руководством рассматривалось как прямое нарушение классового принципа. Поэтому многочисленные указания и инструкции требовали от судов неуклонного соблюдения классового принципа в «карательной политике». В циркуляре Верховного Суда РСФСР от 22 декабря 1924 г. разъяснялось, что «при рассмотрении уголовных дел, находящихся в производстве, необходимо учитывать следующие данные: социальное положение обвиняемого в момент преступления; социальное положение обвиняемого до революции. При выяснении этого обстоятельства нельзя было ограничиваться указаниями только на принадлежность к определенному классу, а точно установить социальную группу, к которой относился обвиняемый (помещик, купец, крестьянин-кулак, бедняк, рабочий и пр.). В отношении безработных – сколько времени обвиняемый является безработным, состоит ли на учете биржи труда, чем занимался после революции и до революции. В отношении крестьян – ведет ли он хозяйство и какого типа (кулак, середняк, бедняк) [8, д. 181, л. 25–26].

Требования о необходимости во всех случаях учитывать социальное положение обвиняемого содержится и в директивном письме Уголовно-кассационной коллегии (УКК) Верховного суда РСФСР. Классовый принцип в карательной политике должен был выражаться в правильном определении степени опасности преступления с точки зрения интереса класса в целом, выдержанном классовом подходе к каждому подсудимому, в правильном учете всех обстоятельств, определяющих целесообразность назначения того или иного наказания. Приоритетным считалось социальное положение в момент совершения преступления, а затем уже социальное происхождение. Предлагалось широко применять ст. 28 УК (условное осуждение) к рабочим и трудовым крестьянам, совершившим преступление впервые [9, д. 376, л. 4].

В итоге создавалась система увода от наказания определенных социальных групп. Суть ее заключалась в том, что при определенных условиях (критериях) преступления не влекли за собой наказание или оно существенно снижалось. Способы «увода», «прощения вины» можно свести к двум основным факторам. Первый фактор – это «внутреннее состояние» правонарушителя (невежество, совершение преступления впервые, неосознанность, вынужденная ситуация, политическая неграмотность). В правовой лексикон вошло даже понятие «право бедности», давшее существенные

привилегии при уплате штрафов, судебных и т. п. Второй фактор – «внешнее состояние» правонарушителя – принадлежность к определенной социальной группе, номенклатуре, партии большевиков. Привилегированные социальные группы – рабочие, крестьяне. «Паразитические» – нэпманы, духовенство и т. п. Это было политическое понимание сущности юридических норм, и вело оно к существенным последствиям. Суды при определении наказания должны были руководствоваться непреложным правилом: «Учитывать, кого он имеет перед собой, и назначать меру социальной защиты, исходя из признаков социальной принадлежности» [10, д. 376, л. 67].

При таком понимании и практическом подходе снижалось влияние фактора неизбежности наказания. Известно, что угроза наказания влияет на поведение индивида. Степень влияния неизбежности наказания гораздо выше, чем вероятность наказания или его условность. При классовом же подходе мотивационное действие наказания существенно снижалось, что неизбежно влияло на повышение преступности среди «своих классов». Формировались устойчивые шаблоны правового поведения, отношения к закону, в основном нигилистического характера. Создавалась атмосфера безнаказанности и вседозволенности, что вело к конфликту социального поведения и классовой принадлежности.

Отчетливо проявлялась тенденция определения правонарушения как «несвоей» данной социальной группе. Между тем известно, что даже в одной социальной группе не может быть одинакового понимания норм поведения, не говоря уже об обществе в целом. Подобная трактовка роли и места наказания исходила из явной переоценки способностей трудящихся классов к исправлению и самосовершенствованию; объяснение преступности малосознательностью, темнотой, «забитостью» жизнью и «происками последних остатков умирающих классов» не объясняло причин массовой преступности среди рабочих и крестьян. В уголовной практике это вело к неизбежному: искажению принципа равноценности наказания. В результате судебная практика отличалась крайней тенденциозностью, усугублявшаяся слабым составом судей. Суды действовали по принципу – для «своих» одно наказание, для «чужих» – другое. В народе это незамедлительно получило оценку: «Если рабочий, то принимать во внимание, крестьяне – тоже. Нэпман чуть чихнет, его в суд» [11, д. 136, л. 91]. Таким образом, практика смягчения наказания не обладала необходимым качеством наказания – «равноценной общественной оценкой действия, признанного преступным» [12, с. 181].

Суды классовую линию воспринимали буквально, определяя условное наказание трудящимся или подводя их к амнистии. Частыми были условные наказания. С одной стороны, это поощряло преступность, с другой – вызывало негативную реакцию населения, недовольного мягкими приговорами. Особенно раздражала крестьян безнаказанность конокрадства и краж сельхозпродукции, наносивших наибольший экономический ущерб крестьянским хозяйствам. На этой почве в деревне участились самосуды над конокрадами и грабителями. В связи с этим появляется инструктивное письмо Верховного суда РСФСР от 29 июня 1925 г. с новым разъяснением сути классового подхода к карательной политике. Судам напоминали, что проведение классового принципа заключается не в автоматическом обвинении «нэпмана» и «кулака» и не в оправдании трудящихся, а в отчетливом и ясном понимании социальной опасности действий, привлеченного к суду гражданина, расцениваемой с точки зрения интересов пролетариата в целом [13, оп. 65, д. 11, л. 17]. Но понять в чем социальная опасность действий того или иного индивида для судей было самым сложным. Ведь, с одной стороны, их постоянно инструктировали не избирать слишком суровых наказаний для «своих», помнить о принципе предельной «полезности» наказания – перевоспитания. С другой – меру наказания избирать без учета личности преступника (нэпман, бывший офицер или пролетарий), его имущественного положения. Судьи предпочитали

«перегнуть палку» (хуже не будет) и шли по самому простому пути – определяли наказание, исходя из социальной принадлежности обвиняемого (минимум-максимум).

Массовый увод трудящихся от наказания, сведение к минимуму изоляции правонарушителя, обуславливался и весьма прозаической причиной. Обследование тюрем, проведенное в 1923 г., показало, что подавляющее число заключенных – это рабочие и крестьяне. Вывод был однозначен: судебные органы не научились применять классовую политику [14, д. 5, л. 77].

В апреле 1925 г. Верховный суд в своем циркуляре констатировал факт переполненности тюрем, что вызывало угрозу эпидемий и требовало разгрузить тюрьмы [15, д. 5, л. 16]. Средством разгрузки тюрем служили амнистии. Амнистии приводились исключительно по классовому принципу и распространялись в основном на «трудящихся». Так, в постановлении ЦИК СССР об амнистии к десятилетней годовщине революции (март 1927 г.) в качестве обязательного условия амнистии осужденным «трудящимся» необходимо было отбыть половину срока, назначенного судом, всем же остальным – 2/3 срока [16, д. 5, л. 16].

Политизированное общество рождало и политизированное право, отличительным признаком которого являлся классовый подход к определению принципов системы наказаний. Это свидетельствовало о том, что идеология имела приоритет перед законом. В такой ситуации право не являлось общеобязательным сводом правил поведения, а всего лишь средством реализации политической доктрины, а юридические нормы стали простыми дополнениями к ней, служили целям формально-юридического оформления социального неравенства, частью системы социального контроля, главной целью которого было сохранение и укрепление политической системы.

Ссылки:

1. Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказаниях. Ч. 2. Основные начала карательной деятельности. М., 1904.
2. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. (Общие черты судебной этики) // Кони А.Ф. Избранные произведения. Т. 1. Статьи и заметки. Судебные речи. М., 1959.
3. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 3. М., 1910.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 71–92.
5. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-524. Оп. 1.
6. Уголовный кодекс РСФСР. (Ред. 1922 года). М., 1923.
7. Там же.
8. ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1.
9. Там же.
10. Там же.
11. Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67.
12. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 3. М., 1910.
13. Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67.
14. ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1.
15. Там же.
16. Там же.

References:

1. Poznyshhev, SV 1904, *Key questions the doctrine of penalties. Part 2. The basic principles of punitive action*, Moscow.
2. Coney, AF 1959, 'Moral principles in criminal proceedings (Common features of judicial ethics)', in Coney, AF *Selected works. Vol. 1. Articles and Notes. Judicial speech*, Moscow.
3. Shershenevich, GF 1910, *General Theory of Law*, vol. 3, Moscow.
4. *The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee* 1983, vol. 2, Moscow, pp. 71-92.
5. State Archive of the Tambov region (GATO). F. R-524. Op. 1.
6. *The Criminal Code of the Russian Federation (ed. in 1922)* 1923, Moscow.

7. *The Criminal Code of the Russian Federation (ed. in 1922)* 1923, Moscow.
8. GATO. F. R-524. Op. 1.
9. GATO. F. R-524. Op. 1.
10. GATO. F. R-524. Op. 1.
11. Russian Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 67.
12. Shershenevich, GF 1910, *General Theory of Law*, vol. 3, Moscow.
13. Russian Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 67.
14. GATO. F. R-524. Op. 1.
15. GATO. F. R-524. Op. 1.
16. GATO. F. R-524. Op. 1.